

дои лавочкой. Я говорил об этом Собчаку, он отдал какое-то распоряжение, но потом забыл. Сейчас весна, надо мыть окна, хотя бы в первых этажах, мимо которых ходят люди, — это же интерьер города.

Мы должны следить за языком. Ужасно, что слово «патриот» стало у нас бранным словом.

Если человек любит семью, он семьянин, если любит родину — патриот. Это неплохо, но это не значит, что он считает свою семью лучше и богаче всех и враждебно относится к другим семьям. Язык страдает и оттого, что у нас появилась мода на неприличные выражения. Это не добавление новых слов, как думают некоторые, это уничтожение десятков других слов. Мода бывает на самые разные слова, вот, например, слово «всплеск» — всплеск того, всплеск другого. Это слово вытеснило в пассивный запас из активного другие слова, а ведь их было множество, потом само погибло. Язык беднеет. Мы любим иностранные слова, но часто не знаем их значения; мы путаем слова «факт» и «фактор», употребляем слово «эпицентр» вместо «гипоцентр» и т. д. В первую очередь за этим надо следить работникам телевидения. Язык телевидения становится языком нации.

«АЛЛЕИ ДРЕВНИХ ЛИП...»

Екатерининский парк в городе Пушкине дорог всем, кто не только любит красоту старых парков, но кто любит русскую поэзию. И именно этим, русской поэзией, он единственный и неповторимый. Сюда, в Екатерининский парк, приезжают не разыскивать следы регулярного парка середины XVIII века, а с томиками стихов Державина, Жуковского, Пушкина, Тютчева, Аннинского, Ахматовой и многих, многих других. «Город муз» — так называли Царское Село и так называют сейчас нынешний город Пушкин.

Сейчас сложилось два отношения к сохранению и восстановлению парков Пушкина. Одни ищут в этих парках по преимуществу «зеленую архитектуру». Другие ценят в парках не только их красоту, но и не поэтические воспоминания, которые они вызывают. Для них важно каждое старое дерево, каждый старый павильон или пруд — как напоминание о любимых поэтах. Им нужна «мемориальная достоверность». Эта мемориальность — не выдумка. Они так и мыслились как парки нашей исторической памяти. Это парки русской славы. В течение двух веков их наполняют памятниками.

В проектах специалистов по садово-парковой архитектуре восстановления парков Пушкина господствует первый, чисто «архитектурный» подход. И это уже само по себе вызывает резкий конфликт с теми, кому дорога не только «зеленая архитектура», но и мемориальность пушкинских парков.

Но дело обстоит хуже. Осуществляемый сейчас проект восстановления регулярного парка, существовавшего в середине XVIII в. (в его 50-х годах), губителен и беспомощен даже с чисто архитектурной точки зрения.

В ответе авторов проекта на статью В. Н. Орлова, принесленном в «Ленинградскую правду» и частично там напечатанном, сказано: «При всем разнообразии восстановительных работ принципиальные основы их общие: ориентация на подлинные исторические материалы, определение периода наиболее полного воплощения авторских замыслов. Для самой старой регулярной части Екатерининского парка (около 30 га) такой „оптимальной датой“ являются 50-е годы XVIII века».

Это положение авторов проекта неправильно. Между реставрацией памятников архитектуры принципиальная разница. Здание не «растет» (хотя «растут» ансамбли зданий), а парки растут. Парк — живой организм. Поэтому парки сажаются «на вырост». Нельзя и бессмысленно возвращать парк к одному какому-либо периоду: петровскому, елизаветинскому, екатерининскому. Как неправильно было бы возвращать к младенческому периоду человека. Регу-

лярные парки в России — это «младенческий» период в жизни очень многих парков. Сперва парки стригли на голландский или французский манер, а потом пускали большие деревья в рост, и в результате получались те удивительные русские парки, в которых регулярность сочеталась с пейзажностью.

Екатерининский парк складывался в течение длительного времени. Этому длительному времени, а не какому-либо определенному моменту, он и обязан своим чудодейственным своеобразием. Но в любой период существования парка вид на дворец не был раскрыт полностью. Три старые аллеи подступали вплотную к дворцу. Средняя аллея старых лип была слишком узкой, чтобы открывать вид на дворец. Именно ее и уничтожает проект Н. Е. Тумановой, чтобы вопреки традиции раскрыть вид на дворец. В этом раскрытии вида на дворец и соответствующих сплошных вырубках старых деревьев — главная идея проекта Н. Е. Тумановой.

Когда строился дворец Растрелли, вдоль всего паркового фасада Екатерининского дворца, в очень близком от него расстоянии была дополнительно высажена аллея лип. Липы эти показаны и на плане 1816 года, когда им было уже больше полувека. Посадка деревьев вплотную к стенам дворца была вообще очень характерна для первой половины и середины XVIII в. (вспомним старые дубы у стен петровского Монплезира в Петродворце).

Екатерининский парк никогда не воспринимался как парадный парк, как это было, например, в Версале. Это был парк для отдыха и уединения. Об этом красноречиво говорят сами парковые постройки: Эрмитаж, то есть место уединения, Гrot, Верхняя и Нижняя ванны, Кухня, различные беседки в непосредственной близости от дворца.

НО САМОЕ важное, почему нельзя вернуть парк к эпохе Елизаветы, заключается в следующем. В XVIII веке, еще при Екатерине II, симметрия парковой архитектуры резко нарушается. С южной стороны к дворцу пристраивается Агатовый павильон и Камеронова галерея. Эти строения заслоняют самую южную часть дворца. Ее уже не

видно не только из-за разросшихся деревьев, но и из-за «разросшегося» архитектурного ансамбля. Такое дополнение к дворцу, выполненное, кстати, в совершенно другом стиле — стиле классицизма, не нарушало единства ансамбля, потому что к этому времени высокие кроны деревьев прикрыли архитектуру, смягчили контрасты барокко и классицизма.

Парк — это не только деревья и цветники. Парк — это и парковые сооружения, постройки, памятники. Это неразъединимый синтез природы и архитектуры. В Екатерининском парке соединились строения различных стилей: барокко, классицизм, псевдоготика и т. д. В исторических парках, где столетиями воздвигались парковые сооружения, невозможно возвращение к одному какому-либо периоду. Разнохарактерные и разностильные строения Екатерининского парка потому так хорошо прижились в Екатерининском парке, что кроны его деревьев свободно разрослись. Высокие деревья — великие примирители разногласий и разноголосицы архитектурных сооружений. Они прикрыли садовую архитектуру, создали необходимый синтез. Решительно изменить характер парка, модернизировать его насаждения на обширном пространстве в 30 га, как это делает автор уже осуществляемого проекта, — значит разрушить весь архитектурный ансамбль Екатерининского парка, создававшийся и в середине XVIII века, и позднее.

Своеобразие русских регулярных парков в том, что регулярность планировки сочетается в них со свободными кронами старых деревьев. Это удивительное сочетание воли человека и природных сил.

Идея восстановления замысла 50-х годов XVIII века весьма сомнительна и по другим причинам. Поддерживать стрижку деревьев на огромной территории, разводить кадочные культуры деревьев, чтобы каждую весну эти деревья в кадках выставлять, а осенью убирать, — затея очень дорогая. А вокруг и сам Екатерининский парк и другие пушкинские парки (Александрийский, Баболовский, Отдельный) совершенно неухожены: участки заболочены,

корни деревьев гниют, лужайки заросли сорными деревьями, дорожки и аллеи исчезли, многие парковые строения (и даже такие значительные, как Китайский театр) не восстановлены. Дупла не залечены и даже не снимаются с деревьев железные бандажи, которые сейчас впились в живое тело деревьев и грозят их окончательно погубить. Посадки новых деревьев не ведутся.

Правда, «зеленые архитекторы» обосновывают свои запроектированные порубки тем, что липы в Екатерининском парке все равно-де гибнут. Они якобы достигли своего «предельного возраста». Однако предельный возраст лип, как утверждают специалисты, несколько сотен лет. Во всяком случае точных границ жизни лип нет. И почему, наконец, эта «угроза» для жизни посетителей появилась только на тех аллеях, которые намечены архитекторами-озеленителями к сносу по эстетическим соображениям?

Проект, по которому ведутся сейчас работы в Екатерининском парке и вырубаются без достаточного контроля старые деревья, не может быть признан «реставрацией парка времен его расцвета». Он неудачен и в историческом, и в архитектурном отношении. Но о проекте вообще говорить очень трудно, так как есть лишь его идея. Если же говорить о самом проекте, то он выполнен крайне схематично. Ведь необходим не только макет и план, но по правилам необходима и серия изображений с основных видовых точек. А их-то авторы проекта и не дают. Можно ли было серьезно обсуждать проект какого-либо здания, если бы авторы проекта ограничились только планом? А ведь дело касается самого ценного парка России. При этом следует учесть, что методика восстановления регулярных парков вообще еще не разработана, и Екатерининский парк — не место для экспериментов.

Архитектурная неудача проекта может быть показана на примере того, что уже сделано с прудами, находящимися прямо против дворца. Автор проекта Н. Е. Туманова придала этим прудам вид, намеченный в проекте елизаветинского времени, когда весь архитектурный ансамбль парка был совсем иным. Откопав обширные пруды, автор проек-

та реконструкции обнажила большой участок парка, создала открытое пространство. Обнажилась и архитектура Верхней Ванны, никак не вяжущаяся с соседним Екатерининским дворцом. Автор проекта восстановила симметрию прудов, но она забыла, что эта симметрия уже при Екатерине была нарушена постройкой Невеловской Верхней Ванны на первом от входа пруде.

А кроме того, нужна ли здесь симметрия? Вход в парк лежит не по оси симметрии. В парк входят сбоку — непосредственно у дворца со стороны Лицея. Поэтому вид на дворец открывается боковой. Посетители шли раньше по затененным аллеям и видели богато украшенный фасад не издали, а в непосредственной от него близости. Через черные стволы лип особенно эффектна была богатая золоченая лепка дворца. А с левой стороны шли пруды: сперва трапециевидный с Верхней Ванной, а затем второй, еще при Екатерине переделанный в виде тройного зеркала рококо, очень эффектной среди деревьев со стоявшей здесь посередине пруда бронзовой статуей Тезея. Вода в них стояла высоко, почти в уровень с почвой, и в них глубоко и сочно отражались обступившие их высокие деревья. И именно эти пруды больше всего придавали своеобразие парку.

Симметрия нынешних сильно расширенных прудов не только обнажила парк, обнажила соединенную раньше высокой зеленью архитектуру, но она сделала парк в этой части просто скучным. Вход для посетителей остался и останется там же. Теперь, входя, посетитель идет сперва мимо одного пруда, потом проходит мимо точно такого же второго. Если же идти от Эрмитажа или смотреть из окон дворца, то и тут нет симметрии. Ведь на берегу первого пруда стоит Верхняя Ванна, красивая, элегантная, но которой нет симметричного соответствия во втором пруде.

Романтизм XVIII и начала XIX века, любовь того времени к пейзажным паркам, которая неразрывно связана с поэзией Жуковского, Пушкина, Тютчева и многих других русских поэтов, оставил неизгладимый след в регулярных частях наших парков, и возвращаться к очень кратко-временной, чисто регулярной организации парков там, где

эти парки стали уже не только образцами садового искусства, но и мемориальными, — ни в коем случае нельзя.

Каждое старое дерево драгоценно. Восприятию его красоты и ощущению «подлинности» его, как свидетеля былых времен, не мешают появившиеся дупла (липа часто развивает дупла уже в 50 лет) или асимметрия стволов. Сплошное омоложение парка на пространстве 30 га — грубая ошибка проекта. Постепенная и осторожная замена деревьев (не надо торопить их смерть!) не нарушит ощущения мемориальности парка. Она не нарушит и замечательного сочетания регулярного плана, свободно растущих крон и асимметрии архитектуры. Такой метод восстановления парка можно сравнить с методом реставрационных вставок в архитектуре.

Государство отпускает огромные деньги на поддержание пушкинских парков. Эти огромные деньги должны быть израсходованы не на строительство новых парков на месте старых по неудачным во всех отношениях проектам, а на поддержание того, что есть и что продолжает радовать посетителей. Надо лечить деревья, как лечили в Тригорском старый пушкинский дуб после войны. Он казался мертвым, но садоводы захотели, и он воскрес. Это было сделано с любовью к Пушкину, с любовью к природе. Надо подсаживать новые деревья на месте погибших и не бояться контраста старых деревьев с молодыми.

Надо привести в порядок дорожки, надо восстановить дренажную систему, не допуская порчи машинами корней старых деревьев. Надо восстановить газоны. Вполне допустимо подправить геометрию дорожек, чтобы еще отчетливее подчеркнуть контраст регулярной планировки со свободно разросшимися старыми деревьями. Можно согласиться с проведением некоторых новых дорожек, если это не связано с удалением старых деревьев. Посетителей в парке становится все больше, и создать дорожку от Кухни при втором, городском входе в парк к Эрмитажу вполне разумно. Можно восстановить канал вокруг Эрмитажа — это придаст ему облик, задуманный его строителем — Растрелли.

Парк не может существовать без вырубок. Но надо направлять топор, как скальпель хирурга,— только на ино-родное. Надо снести те деревья, которые путем самосева выросли на лужайках и превратили некоторые части парка в лес. Надо заменить неполноценные породы деревьев, которые были посажены сразу после войны на местах вырубленных оккупантами деревьев, ценными — тех же пород, что растут в парке. Что было бы с Летним садом в Ленинграде, если бы после наводнения 1924 года, во время которого в саду погибло больше половины всех деревьев, а остальные были сильно повреждены, решили восстановить его старый регулярный характер? И надо заботиться о всех пушкинских парках, производить работы повсюду, восстанавливая и сооружения, и старые посадки, и дренаж. Слишком много еще в пушкинских парках неотложного и слишком мало у нас времени, чтобы задаваться проектами, в основе которых лежит ложная, неосуществимая, крайне дорогая для эксплуатации и чисто эстетская идея.

В этой связи хотелось бы сказать, что положение пушкинских парков, к сожалению, не исключение. В результате небрежности искалечен Верхний парк Петродворца, совершенно нелепо в Нижнем парке сооружен огромный современный ресторан. В запустении находятся парки Гатчины. Уже много лет говорится о необходимости сделать ленинградские парки государственным заповедником, подготовлены научные исследования, однако практическое решение вопроса откладывается.

ИСКУССТВО принадлежит народу. Писатели пишут не для писателей. Архитекторы строят не для архитекторов. Парковое искусство — одно из самых массовых и действенных. Здесь надо прислушиваться и учитывать мнение самых широких слоев населения.

Д. Лихачев, академик